

категории грамматического рода в греческом языке, Никитин упрекнул автора в том, что тот мало занимается соотношением между суффиксами имен и их родом. «Может быть, — объясняет этот недостаток сам Никитин, — его испугала острота Потта, который говорил, что нельзя думать, будто род имен определяется их окончаниями, их суффиксами, так как нельзя же представлять окончания чем-то вроде *rudenda virilia* или *muliebría*»⁵⁸.

Никитин однажды вспомнил незадачливого автора, который, рассуждая о достоинствах акрибии, именно в этом греческом слове, которое означает «величайшая точность», «тщательность», «основательность», и сделал ошибку в ударении. По этому поводу Никитин написал В. Р. Розену: «Акрибия — госпожа капризная, и — особенно — для русского человека ехидная»⁵⁹. Большим поклонником таланта и остроумия Никитина был Соколов, и нередко он восторженно говорил о своем товарище: «Наш-то Петр Васильевич», — и указывал на какую-нибудь из его блестящих догадок к текстам древних писателей или вспоминал какое-нибудь его остроумное изречение.

Устав 1884 г. и переустройство историко-филологического факультета

Время преподавания Никитина в Петербургском университете совпало с подготовкой и введением в действие нового университетского устава 1884 г.⁶⁰ Еще в 1875 г. была создана особая комиссия, разъезжавшая по университетам с министерской анкетой в 60 вопросов, ответы на которые должны были дать фактический материал для пересмотра университетского устава⁶¹. Однако этот план натолкнулся на серьезную оппозицию со стороны профессуры. В 1878 г. вспыхнули студенческие беспорядки. Когда же петербургские профессора, пытавшиеся заняться по инициативе А. С. Фаминцына изучением причин беспорядков, подали докладную записку попечителю, объяснявшую беспорядки полицейским режимом и беспорядком студентов и настаивавшую на распространении «автономии» на студенчес-

⁵⁸ Никитин П. В. Отзыв о диссертации профессора С. Н. Жданова «Грамматические наблюдения и критико-эзегетические заметки». С. 42–43.

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 1. Письмо Никитина В. Р. Розену от 27.06.1894.

⁶⁰ Подробнее см.: Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976; Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991; Змеев В. А. Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998.

⁶¹ В. Н. Вопросные пункты университетского устава // Вестник Европы. 1876. Т. 1. С. 269–304.

кую корпорацию, она заслужила ование студентов, но вместе с тем и отповедь министра за «неуместность» и «несвоевременность» такого выступления.

В июне 1879 г. были утверждены новые правила об инспекции, встреченные крайне несочувственно как студенчеством, так и профессурой. Не помогли временное смягчение правительственного режима, так называемая «диктатура сердца» М. Т. Лорис-Меликова, отставка министра народного просвещения Толстого. Среди современников была популярна острота об Александре II как о «„трижды освободителе“: крестьян — от крепостного ига, болгар от ига турок и России — от ига... Толстого»⁶².

22 апреля 1880 г. министром народного просвещения стал А. А. Сабуров, занимавший до этого пост попечителя Дерптского учебного округа. Сабуров и военный министр Д. А. Милютин подготовили доклад с предложениями разрешить студенческие сходки, кассы, суды чести, дешевые столовые. Внутри правительства возникли разногласия, Победоносцев, например, назвал доклад «документом невеселого свойства»⁶³ и противился его принятию. Решено было ограничиться признанием нецелесообразности сохранения правил и инструкции 1879 г. Крахом политики умиротворения стал скандал на торжественном акте 8 февраля 1881 г. в Петербургском университете, когда студент П. П. Подбельский нанес Сабурову оскорбление действием.

Убийство 1 марта 1881 г. Александра II в корне изменило ситуацию в стране. Правительство перешло от «диктатуры улыбок» к открытой реакции. 30 мая 1882 г. «неудобозабываемый» Толстой был назначен министром внутренних дел, и это назначение было воспринято как «кровная обида обществу». Еще раньше, 16 марта 1882 г., министром народного просвещения стал И. Д. Делянов⁶⁴, которого Кареев метко охарактеризовал как «хитрого армянина», который все время опасался, как бы его о чем-либо не спросили власть предрежащие, а он бы не знал, что ответить⁶⁵. Уже

⁶² Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. С. 88.

⁶³ Там же. С. 93.

⁶⁴ Делянов Иван Давыдович (1818–1897), выпускник юридического факультета Московского университета; с 1858 г. попечитель С.-Петербургского учебного округа, с 1861 г. директор департамента Министерства народного просвещения, с 1866 г. товарищ министра, с 1882 по 1897 гг. министр народного просвещения.

⁶⁵ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 182–183. Ср. там же: «Человек очень лукавый, но прикидывающийся добродушным простаком, по природе не злой и по личному почину, пожалуй, не делавший пакостей, но угодливый по отношению к влиятельным лицам...» Глава цензурного ведомства Е. М. Феоктистов писал по поводу назначения Делянова: «Назначению его министром много помог Катков; я говорил тогда Михаилу

к концу 1882 г. был подготовлен проект нового устава, а с начала 1884–1885 учебного года он был введен в действие (вопреки мнению большинства членов Государственного совета)⁶⁶. Университетский устав был первым опытом пересмотра либеральных реформ 1860-х гг. обычным законодательным путем. Устав вызвал у М. Н. Каткова⁶⁷ известное восклицание: «Итак, господа, встаньте, правительство идет, правительство возвращается! Не верите?»⁶⁸

Новый устав отменил университетскую автономию, данную либеральным уставом 1863 г. (выборы ректора советом профессоров), и передал назначение профессоров, деканов и ректора в руки министра. Был усилен контроль за внутренней жизнью университета: устав устанавливал обязательное ношение форменной одежды, обязательное посещение лекций, вводил также должность «инспектора студентов» для надзора за их поведением и настроениями, который подчинялся попечителю округа⁶⁹. Студенты рассматривались не как корпорация, а как отдельные посетители университетов. Запрещалось устройство каких бы то ни было студенческих собраний, даже концертов и балов, гонениям подвергались и землячества. Вся жизнь университета была подчинена мелочной опеке министра и попечителя⁷⁰.

Никифоровичу, неужели он ожидает от этого чего-нибудь путного. „За кого же вы меня принимаете, — отвечал он, для меня вовсе не тайна, что Иван Давыдович беспомощный человек, что всякое дело валится у него из рук, но мой глаз будет зорко следить за ним; пока я здесь, он не решится сделать ни одного шага, не посоветовавшись со мной“. Катков не предвидел, что дни его сочтены и что, оставшись без руководителя, Иван Давыдович будет представлять собой крайне печальное зрелище». Цит. по: *Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 года. С. 103.

⁶⁶ ПСЗ. Собр. третье. Т. IV. № 2304.

⁶⁷ *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887), публицист, выпускник словесного отделения Московского университета (1838), в 1845–1850 гг. — адъюнкт кафедры философии Московского университета; редактор газеты «Московские ведомости» (1850–1855, 1863–1887), издатель журнала «Русский вестник» (1856–1887); с 1851 г. — чиновник особых поручений при Министерстве народного просвещения.

⁶⁸ *Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 года. С. 146.

⁶⁹ По свидетельству Н. И. Кареева, существовала даже секретная комната, где висели фотографии студентов, а педели время от времени сдавали по ним экзамен на знание студентов в лицо и по фамилиям.

⁷⁰ Например, в начале 1886 г. министерство придралось к расписанию занятий на историко-филологическом факультете, указав на недопустимость назначения лекций преподавателей по одной и той же кафедре на одно и то же время и отметив все случаи нарушения этого правила (в понедельник с 2 до 3 часов, вторник с 1 до 2 и т. д.). Расписание было исправлено с учетом этих замечаний: Протоколы заседаний Совета Имп. Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1885–1886 академического года. СПб., 1886. № 34. С. 45. Заседание 20.01.1886.

Новый устав предлагал университетам развивать приват-доцентские курсы, параллельные с основными профессорскими, и создать тем самым соревнование на факультетах. Должность доцента отменялась, и факультетам предоставлялось право самим решать, перевести доцентов в экстраординарные профессора или приват-доценты. 1 ноября 1884 г. доценты историко-филологического факультета Никитин, Соколов, Помяловский и Ернштедт были возведены в экстраординарные профессора.

Устав предусматривал введение особого гонорара в пользу преподавателей, и это повысило плату за обучение: студенты платили 5 руб. за полугодие в пользу университета и по 1 руб. в пользу преподавателей за те лекции и практические упражнения, на которые они записались. На деле студенты посещали и те курсы, на которые они не подписывались и платы за них не вносили. Университетское начальство смотрело на это сквозь пальцы: любой запрет мог подавить искреннюю любознательность студентов и лишит преподавателя слушателей, нисколько не увеличив суммы его гонорара⁷¹.

Устав регламентировал объем преподавания на каждом факультете. На историко-филологическом факультете при 12 ординарных и 5 экстраординарных профессорах существовали кафедры философии, классической филологии, сравнительного языкознания и санскритского языка, русского языка и словесности, географии и этнографии, всеобщей истории, русской истории, истории западноевропейских литератур, истории церкви, теории и истории искусств (всего 11 кафедр). Организация и характер преподавания регламентировались новыми экзаменационными требованиями. Новая экзаменационная система предполагала отмену курсовых экзаменов, которые заменялись зачетами, это должно было позволить студентам сосредоточиться на занятиях, а не отвлекаться постоянно на подготовку к экзаменам. В конце обучения студент сдавал государственные экзамены только по так называемым основным предметам, что наносило удар по профессиональной подготовке специалистов. Экзаменационные требования выделяли в качестве «основных» предметов чистую математику, анатомию, римское право и классическую филологию. Государственные экзамены должны были служить правительственной проверкой не только для студентов, но и для профессоров. В своем первоначальном виде устав продер-

⁷¹ В 1897 г. Совет университета высказался за полную отмену гонорарной системы. В записке, составленной специальной комиссией во главе с Никитиным, говорится, что «система гонорара так противна нашим понятиям о достоинстве университетского преподавания, так вообще противоречит условиям, порядкам и нравам нашего университетского быта и может оказать такое вредное влияние на ход университетской жизни, что, по мнению комиссии, должна быть отменена»: Протоколы заседаний Совета Имп. Санкт-Петербургского университета за 1897 год. СПб., 1898. № 53. С. 98–99. Заседание 1.12.1897.

жался только несколько лет, и вскоре были введены полукурсовые экзамены. Непосредственным результатом проведения нового устава явилось значительное уменьшение числа студентов, увольнение или самовольные уходы многих профессоров.

Наибольший ущерб устав 1884 г. нанес историко-филологическому образованию. Одним из творцов устава был председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения А. И. Георгиевский⁷², убежденный в том, что классическая филология — альфа и омега всех гуманитарных дисциплин, что в ней залог блага и спасения России, которая, по его мнению, после 1 марта 1881 г. стояла на краю гибели. Любимым детищем Георгиевского была Лейпцигская русская филологическая семинария, и он мечтал превратить историко-филологические факультеты отечественных университетов в аналогичные семинарии, или, по выражению С. А. Жебелева, „оранжереи“, где должна была процветать единственная историко-филологическая дисциплина — классическая филология⁷³.

Все студенты должны были быть прежде всего классиками: на всех курсах (кроме одного семестра 4 курса) из 18 часов в неделю 14 часов составлял «казенный паек» (выражение Никитина)⁷⁴ обязательных занятий классической филологией: 6 лекций полагалось на чтение авторов, 4 лекции на практические занятия и 4 лекции на «реалии» (древнюю историю, литературу, древности, историю древнего искусства и философии). Эти занятия требовали от студентов усиленной домашней подготовки, и не у многих хватало сил и времени посещать специальные курсы по группе словесности и группе истории, которые были необязательными, хотя их число и не подлежало никакому ограничению.

Таким образом, новый учебный план допускал невозможный с общеобразовательной точки зрения факт, что выпускник факультета мог успешно окончить университет, не прослушав ни логики, ни психологии, ни истории русской литературы или истории России и т. д. Наконец, учебный план, насильственно подгоняя под один уровень классиков по призванию и классиков по принуждению, оказывал вредное влияние и на положение самой классической филологии на факультете.

⁷² *Георгиевский Александр Иванович* (1830–1911), выпускник Московского университета; с 1866 по 1870 г. редактор ЖМНП, в 1873–1898 гг. председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения, с 1898 г. сенатор. Упорно проводил консервативную политику в области образования, принимал активное участие в подготовке всех важнейших документов министерства, в том числе университетского устава 1884 г.

⁷³ *Жебелев С. А.* Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.). С. 162.

⁷⁴ *Никитин П. В.* [Возражения на записку А.И.Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. СПб., 1889.] С. 20.

Устав предусматривал объединение кафедр греческой и римской словесности в общую кафедру классической филологии. Новый учебный план потребовала увеличения числа преподавателей классических дисциплин, и в это время древние языки, кроме Люгебиля, Никитина, Помяловского, Шебора и Ернштедта, преподавали В. В. Латышев⁷⁵, Ф. Ф. Зелинский⁷⁶, И. И. Холодник⁷⁷, В. И. Модестов⁷⁸. В отношении новых законов Жебелев

⁷⁵ *Латышев Василий Васильевич* (1855–1921), выпускник ПИФИ (1876 г.), ученик Ф. Ф. Соколова; преподаватель древних языков в Виленской гимназии (1876–1879), по рекомендации Соколова командирован в Грецию для занятий эпиграфикой (1880–1882), в 1882 и 1883 гг. по поручению Имп. Русского археологического общества ездил по югу России для копирования и сличения античных надписей. С 1883 г. преподаватель греческой словесности, заведующий гимназией (1887–1890) ПИФИ; приват-доцент Петербургского университета по кафедре классической филологии (1884–1890), затем помощник попечителя Казанского учебного округа (1890–1893). В 1883 г. защитил магистерскую диссертацию «О некоторых эолических и дорических календарях»; в 1887 г. — докторскую диссертацию «Исследования об истории и государственном строе Ольвии». О его научной деятельности и дальнейшей карьере см. ниже.

⁷⁶ *Зелинский Фаддей (Тадеуш) Францевич* (1859–1944), воспитанник училища при евангелической церкви св. Анны в Петербурге (1876) и Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете (1880), по окончании которой был командирован за границу для приготовления к профессорскому званию (1880–1882). С 1884 г. приват-доцент, с 1887 г. экстраординарный, с 1890 г. ординарный профессор кафедры классической филологии, с 1906 г. декан историко-филологического факультета Петербургского университета; с 1887 г. преподаватель, с 1896 г. ординарный профессор латинской и греческой словесности ПИФИ (преподавал и на Высших женских курсах). В 1895 г. избран чл.-корр. по ИФО, в 1916 г. почетным академиком Разряда изящной словесности Имп. Академии наук. В 1921–1939 гг. проф. Варшавского университета, в 1939 г. переехал в Баварию. Автор трудов «Из жизни идей» (СПб.–Пг., 1905–1922. Т. 1–4), «Древнегреческая религия» (Пг., 1918), «Религия эллинизма» (Пг., 1922), «Cicero im Wandel der Jahrhunderte» (Leipzig-Berlin, 1897, 4 Aufl. Leipzig, 1929) и многих других.

⁷⁷ *Холодник Иван Ильич* (1857–1913), выпускник Петербургского университета (1882), ученик Помяловского, в 1883 г. допущен к преподаванию латинского языка в университете, завершил свое образование в Бонне (у Бюхелера) и в Италии, где занимался эпиграфикой. С 1888 г. приват-доцент Петербургского университета, в том же году приглашен преподавателем в ПИФИ (с 1897 г. экстраординарный, с 1900 г. ординарный профессор), с 1889 г. проф. Высших женских курсов, с 1904 г. член Ученого комитета Министерства народного просвещения. Издал стихотворные латинские надгробные надписи: *Carmina sepulcralia Latina. Petropoli*, 1897 (2-е изд. 1904), продолжением этой работы явилось его исследование «О некоторых типах римских метрических надгробий» (СПб., 1899). См. о нем: *Малеин А. И.* И. И. Холодник (Некролог) // ЖМНП. 1913. Нов. сер. Ч. 46. Июль. С. 59–68.

⁷⁸ *Модестов Василий Иванович* (1839–1907), воспитанник Главного педагогического института, а после его закрытия — Петербургского университета (1860 г.), с 1865 г. доцент кафедры римской словесности Новороссийского университета, с 1867 г. экстраординарный профессор Казанского университета, с 1869 г. ординарный профессор университета св. Владимира, с 1877 по 1880 г. профессор Петербургской духовной академии, с 1886 по 1889 г. приват-доцент Петербургского университета, с 1889 по 1893 г. профессор Новороссийского университета. В последние годы подолгу жил в Риме. Главные работы: «Тацит и его сочинения: историко-литературные исследования» (СПб., 1864, магистерская диссертация), «Римская письменность в период царей» (Казань, 1868, докторская диссертация).

применил поговорку: «Законы святы, да исполнители — лихие супостаты», с некоторыми оговорками относительно святости этих законов. «Супостаты», т. е. попросту говоря, профессора историко-филологического факультета, «приняли изданные и навязанные им законы к сведению, но далеко не к исполнению... В преподавании всех без исключения дисциплин царил строго научный, а не менторско-дидактический дух»⁷⁹.

Переустройство историко-филологических факультетов вызвало острую дискуссию между чиновниками Министерства народного просвещения и профессорами Петербургского университета. В 1885 г. Катков написал статью, в которой выставлял прежнее деление историко-филологических факультетов на три отделения (трифуркацию): историческое, славяно-русское и классическое, причиной гибели гуманитарного образования в России⁸⁰.

В 1888 г. А. И. Георгиевский в записке «О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов» от имени министерства объяснял необходимость переустройства историко-филологических факультетов прежде всего недостатком учителей древних языков для гимназий⁸¹. «Строго и брезгливо» (выражение Никитина) описал он состояние русской историко-филологической науки, которое, по его мнению, являлось следствием того пренебрежения, в котором находилась в наших университетах классическая филология.

Против произведенной Георгиевским реформы выступили ректор Петербургского университета М. И. Владиславлев, декан историко-филологического факультета И. В. Помяловский и профессор греческой словесности Никитин⁸². В своих записках они показали несостоятельность всех аргументов Георгиевского. Помяловский как декан высказал серьезное беспокойство по поводу того, что новый учебный план, представляющий собой «насилование всей науки и ученых убеждений лиц, на непосред-

⁷⁹ Жебелев С. А. Из университетских воспоминаний (1886–1890 гг.). С. 162.

⁸⁰ Катков М. Н. О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. СПб., б/г.

⁸¹ Георгиевский А. И. О нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. СПб., б/г.

⁸² Владиславлев М. И. В ответ на записку А. И. Георгиевского о нынешнем устройстве историко-филологических факультетов. СПб., б/г; Помяловский И. В. В ответ на записку А. И. Георгиевского о нынешнем устройстве историко-филологических факультетов. СПб., 1889; Никитин П. В. [Возражения на записку А. И. Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов. СПб., 1889.]. В том же 1889 г. Никитин подготовил «Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1889 год, составленный и читанный на годичном акте 8 февраля 1890 года ординарным профессором П. В. Никитиным. СПб., 1890.

ственной ответственности которых лежит дело приготовления историко-филологов, грозит разгромом историко-филологическим факультетам»⁸³.

Никитин, при всей своей любви к классической филологии и убеждении в необходимости создания русской школы филологов-классиков, менее всего был *фанатиком* классицизма. «Нелегко филологу-классику, — начал он свою длинную записку, — выступать с возражениями против мыслей, внушенных, очевидно, глубоким уважением к классической филологии и самой настойчивой заботливостью о ее процветании. Но ему же, классику, привыкшему чтить золотое правило μηδὲν ἄγαν [ничего слишком], более, чем кому-нибудь иному, должно быть свойственно осторожное отношение к тому, что отзывает преувеличением и крайностью»⁸⁴. Никитин, хотя и был далек от мысли, что при прежнем устройстве историко-филологических факультетов «наука „достигла процветания“: русская наука слишком молода для того, чтобы уже цвести, и, вероятно, не скоро еще зацветет, если ее слишком часто будут пересаживать из одной почвы в другую»⁸⁵, считал несправедливым преувеличением ту безотрадную картину состояния русской гуманитарной науки, которую дал Георгиевский. Утешением, по его словам, могло служить только то, что «эта мрачная картина нарисована в манере русской школы, что это печальное изображение сделано с русской точки зрения, т. е. с точки зрения той чрезмерной русской скромности, которая так склонна преувеличивать темные и уничижать или просто забывать светлые стороны родной русской действительности»⁸⁶.

Полемизируя с Георгиевским и опровергая пункт за пунктом все его положения, Никитин сделал среди прочего и такое язвительное замечание: «Ведь средняя школа с классицизмом, образующим и воспитывающим ум, развивающим воображение и чувство, внушающим патриотизм и разумный консерватизм, существует и служит преддверием высшей школы. Каждый русский юноша прежде чем вступает в университет, по крайней мере 8 лет находится под действием классической школы, его зрелость, т. е., конечно, и зрелость для занятий науками, подвергается там особому испытанию и удостоверяется особым документом. И для всех других факультетов университета юноша, прошедший это преддверие, продолжает считаться зрелым; только нынешним историко-филологическим факультетом для специальных занятий науками словесными и историческими, т. е. науками наиболее близкими к главному предмету преподавания сред-

⁸³ Помяловский И. В. В ответ на записку А. И. Георгиевского. С. 6.

⁸⁴ Никитин П. В. [Возражения на записку А. И. Георгиевского]. С. 1.

⁸⁵ Там же. С. 25.

⁸⁶ Там же. С. 23.

ней школы, такой юноша признается незрелым, от него требуют, чтобы он зрел еще по меньшей мере года четыре на том же самом солнце классической филологии, на котором он ранее в течение 8 лет зрел, да не вызрел»⁸⁷. Никитин, хотя и требовал от студентов историко-филологических факультетов знания древних языков и знакомства с приемами научного чтения авторов, тем не менее полагал, что для этого им достаточно первых двух курсов, последние два следовало, по его мнению, посвящать всецело занятиям своей специальностью⁸⁸.

Никитин не верил в панацею классицизма от бед, которыми страдало педагогическое дело в России, потому что «никакая классическая филология, хотя бы каждый студент университета учился ей денно и ночью, не даст здравого смысла тому, кого обидела им природа, и никогда не послужит заменой отсутствующего педагогического такта»⁸⁹. Классицизм «изпод палки» на историко-филологических факультетах университета Никитин считал вредным и опасным для развития исторической и филологической науки в целом. «Цели университетского образования, — писал он в своей записке, — чисто научные, и слушатели университета должны выносить из университетского преподавания: 1) основательные и твердые познания, существенно необходимые для дальнейших самостоятельных научных занятий, 2) охоту к этим занятиям, 3) умение методически взяться за дело, т. е., конечно, за дело научного исследования в той отрасли знания, которая была для данного слушателя предметом занятий в университете, ибо там, где ставится вопрос о чисто-научных интересах, ни о каких делах, кроме научных, и речи быть не может»⁹⁰.

Четырехлетнее применение на практике нового учебного плана привело преподавание на историко-филологических факультетах в печальное положение. В 1889 г. историко-филологические факультеты оскудели студентами как в количественном отношении (в Петербурге, например, число студентов сократилось с 260 до 127), так и в качественном, потому что на них перестали поступать даровитые молодые люди, которым усиленный классицизм успевал набить оскомину еще в гимназии, и они не хотели посвящать себя исключительно классической филологии и учительской деятельности. Угроза дезорганизации учебной работы историко-филологических факультетов, отток студентов, недовольство профессоров заставили министерство в 1889 г. отступить, и специализация на двух старших курсах была

⁸⁷ Там же. С. 4–5.

⁸⁸ Никитин П. В. [Возражения на записку А. И. Георгиевского]. С. 13.

⁸⁹ Там же. С. 3.

⁹⁰ Там же. С. 11.

восстановлена (отделений было четыре: классическое, словесное, или славяно-русской филологии, историческое и романо-германское).

Преподавание классической филологии на общих курсах было сокращено до 8 часов в неделю на каждом из четырех младших семестров. С 1889/90 учебного года для всех студентов историко-филологического факультета вводились полукурсовые испытания по общеобязательным предметам, и первое место среди них занимали древние языки. Однако в соответствии с программой полукурсовых испытаний студенты экзаменовались не из того, что им преподавали в университете, а из тех греческих и латинских текстов, которые студенты сами выбирали. Понятно, какими соображениями руководствовались студенты: большинство предпочитало то, что поменьше и что казалось полегче, а главным образом то, что было так или иначе пройдено в старших классах гимназии. То, что преподавалось на университетских лекциях, большинство слушателей оставляло без всякого внимания, потому что на экзамене не требовалось. Таким образом, для значительной части студентов занятия классической филологией сводились к освежению в памяти за несколько дней до экзамена гимназического курса.

Только в 1899 г. в Петербургском университете был решен вопрос об изменении системы полукурсовых испытаний по древним языкам⁹¹. Инициатива здесь принадлежала, по-видимому, Никитину, который высказал это пожелание годом ранее в своем отчете как председатель историко-филологической комиссии в Киевском университете св. Владимира. Никитин предложил повысить требования к полукурсовым испытаниям по этому предмету и выносить на экзамен по крайней мере один из тех текстов, которые профессора объясняли на лекциях в течение учебного года.

В 1898 г. в Киевском университете выпускные экзамены по историко-филологическому факультету держали 11 человек, и из них только один классик. Это послужило поводом для толков в периодической печати. Журналисты, понятия не имея о том, что классическая филология преподается не только на классическом отделении, подсчитывали, сколько профессоров и приват-доцентов классической филологии университет содержит ради одного студента-классика.

Выпады газетных знатоков учебного дела побудили Никитина вновь высказать свое мнение по большому вопросу историко-филологического

⁹¹ Протоколы заседаний Совета Имп. Санкт-Петербургского университета за осеннее полугодие 1889 г. СПб., 1890. № 41. С. 30–38. Кроме древних языков, классики сдавали историю греческой и римской литературы, греческие и римские древности, историю древнего искусства, санскритский язык и сравнительное языкознание, древнюю философию.

образования в университетах. «Нетрудно понять, — пишет Петр Васильевич, — почему только самое незначительное меньшинство студентов историко-филологического факультета избирает классическую филологию предметом специального изучения. Неприязнь нашего общества к классицизму как к системе среднего общего образования не может не вызвать в большинстве учащихся нерасположение к классицизму и как к предмету науки. Русского юношу, мечтающего о самостоятельных исследованиях, скорее, чем классическая филология, заинтересуют такие предметы, как история русской литературы, русская история, история русского языка и потому, что это — предметы свои — родные, и потому, что их материал ближе ему, доступнее, понятнее, и в них больше частей, еще не разработанных, задач таких, которые еще никто не пытался решать. Для молодого ума, затронутого запросами современной жизни и современного мышления, классическая филология не может представлять такой привлекательности, какую имеют новая история и новая литература по очевидной и непосредственной связи их с этими запросами. Молодая любознательность, особенно русская, склонна больше заботиться о широте, чем о детальной точности знаний, поэтому нередко бывает, что и те студенты, которые с большим интересом и вниманием изучали предметы классической филологии на первых двух курсах историко-филологического факультета, поступают затем не на классическое отделение, а на отделение словесное или историческое»⁹².

Как и его учитель Август Наук, Никитин стоял за здоровый классицизм и верил в воспитательную силу средней классической школы, хотя и не склонен был переоценивать ее значение. В 1900 г. Никитин принял участие в обсуждении школьной реформы, предложенной министром народного просвещения Н. П. Боголеповым, и вошел в состав подкомиссии по устройству гимназий с двумя древними языками. Отстаивая необходимость классических гимназий для развития русской историко-филологической науки, Никитин полагал, что вообще классическая гимназия «способна быть силой благотворной для русского просвещения и, созданная с великой затратой трудов и средств, не должна быть разрушаема, как бы ни была она несовершенна в подробностях своего устройства».⁹³ Подкомиссию возглавил директор ПИФИ К. В. Кедров, кроме Никитина в нее вошли

⁹² РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Л. 71. Л. 20–20 об.

⁹³ Министерство народного просвещения. Труды высочайше утвержденной комиссии по вопросу об улучшениях в средней образовательной школе. Вып. II. Труды подкомиссий. СПб., 1900. Подкомиссия по устройству гимназий с двумя древними языками. На правах рукописи. С. 31.

Ф. Е. Корш, В. В. Латышев, И. В. Помяловский, Н. П. Кондаков, Г. Э. Зенгер, А. Н. Шварц, В. В. Мусселиус и др. Подкомиссия подготовила два проекта плана гимназии с двумя древними языками⁹⁴. Согласно плану, предложенному Кедровым и Латышевым, преподавание латинского языка начиналось с 1-го класса, а греческого — с 3-го. Никитин предложил отодвинуть на год позже начало изучения каждого из древних языков и ввести в гимназиях обязательное обучение двум новым языкам, увеличить число уроков по математике и истории, ввести курсы логики и природо-ведения, иными словами, он пошел навстречу обоснованным требованиям, предъявляемым к средней школе.

Никитина поддержали Зенгер, Кондаков, Лавровский, Корш и Мусселиус, но в проект Устава гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения (СПб., 1901) вошел вариант с более ранним началом изучения древних языков. Впрочем, Н. П. Боголепов не успел провести законодательным путем свою реформу, он умер от раны, нанесенной ему студентом 2 марта 1901 г., а назначенный на его место генерал-адъютант П. С. Ванновский повел преобразование средней школы в совершенно другом направлении: он выступил с проектом единой универсальной школы, которая должна была одновременно удовлетворить практические запросы жизни и подготовить будущих слушателей университетов. Окончательное рассмотрение этого проекта было остановлено с уходом Ванновского из министерства 11 апреля 1902 г. Пока проходило обсуждение этого и новых проектов, само собой шло медленное вымирание древних языков в средней школе.

На посту ректора университета

Вскоре после выступления Никитина с критикой предложенной министерством реформы историко-филологических факультетов, в декабре 1890 г., он был назначен ректором Петербургского университета. Что заставило Министерство народного просвещения сделать такой выбор?

Это было тяжелое для университета время. Последним выборным ректором был избранный в 1883 г. юрист И. Е. Андреевский, принадлежавший к либеральным профессорам. Андреевский старался смягчить действие нового устава, но именно в его ректорство произошло так называемое второе «первое марта» 1887 г., когда было предупреждено покушение

⁹⁴ Там же. Вып. I. Журналы комиссии. СПб., 1900. Журнал XXIV заседания 23 февраля. На правах рукописи. С. 289; Вып. II. Труды подкомиссий. СПб., 1900. Подкомиссия по устройству гимназий с двумя древними языками. На правах рукописи. С. 31–35.